

В. И. ГРИГОРЬЕВ

## О ГРАНИЦАХ МЕЖДУ СЛОВОСЛОЖЕНИЕМ И АФФИКСАЦИЕЙ

За последние годы обширная литература по общей теории и конкретным вопросам словообразования пополнилась рядом новых работ на материале самых различных языков. Тем не менее специфика отдельных способов словообразования до сих пор остается недостаточно выясненной.

В настоящей статье на материале сложных существительных с глагольным вторым компонентом в современном русском языке рассматривается существо различий между аффиксацией и словосложением.

\*

Если для более точного определения понятия «сложное слово» необходимо отграничить сложные слова от некоторых видов словосочетаний, то при изучении процессов образования сложных слов должна учитываться связь различных типов словосочетаний с различными типами сложных слов. Это требование было четко сформулировано в известной работе В. В. Виноградова<sup>1</sup>, однако в отдельных исследованиях реальные связи типов сложных слов со словосочетаниями нередко не только недооцениваются, но даже вовсе отрицаются<sup>2</sup>. Возможно, что широкому признанию этой связи до некоторой степени мешает неудача известных в истории изучения словосложения попыток этимологического (а не словообразовательного!) выведения каждого отдельного сложного слова из соответствующего словосочетания. Однако если, например, И. Лось, не находя этимологических прообразов для различных сложных слов, удовлетворился тем, что признал возможным образование новых сложных слов «сразу, по образцу уже существующих», без опосредствованной связи со словосочетаниями<sup>3</sup>, то еще И. И. Срезневский указывал, что сложные слова связаны со словосочетаниями не только, и даже не столько в этимологическом отношении, сколько в словообразовательном<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> См. В. В. Виноградов, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков), сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 140.

<sup>2</sup> См., например, М. И. Привалова, Сложные слова и их функции в художественных произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. Канд. дисс. (машинопись), Л., 1953, стр. 33.

<sup>3</sup> См. И. Лось, Сложные слова в польском языке, «Записки ист.-филол. ф-та СПб. ун-та», ч. 62, 1901, стр. 85—86, 125—126, 190.

<sup>4</sup> См. И. Срезневский, Замечания об образовании слов из выражений, сб. ОРЯС, т. X, 1873. При всей беглости «Замечаний» Срезневского следует отметить их принципиальную важность как одной из первых попыток анализа сложных слов в тесной связи со словосочетаниями. Мысль о том, что сложное слово возникает из выражения, т. е. создается на базе синтаксической конструкции словосочетания, высказана им почти за 30 лет до опубликования точки зрения Лоса, согласно которой сложное слово является собой словосочетание (если не возникает «сразу»,

Что касается сложносокращенных слов, то признание их возникновения на основе словосочетаний, насколько известно, не вызывало каких бы то ни было возражений и может считаться общепринятым. «Сложносокращенные слова служат для сведения к лексическому единству словосочетаний именной семантики и образуются из элементов (различной протяженности) входящих в состав словосочетания слов, безотносительно к их грамматическому членению на значимые части»<sup>1</sup>. В этом подчеркнутом положении хорошо сформулировано основное отличие типов образования сложносокращенных слов от словообразовательных моделей «классических» сложных существительных. Кроме того, круг словосочетаний, которые служат материалом для образования сложносокращенных слов, узок: он исчерпывается несколькими типами именных словосочетаний, в то время как «классические» сложные слова образуются на базе самых различных словосочетаний — как именных, так и глагольных.

Иначе говоря, процессы образования сложносокращенных слов протекают в пределах «расширения» и «сжимания» одной части речи (*комитет* — *районный комитет* — *райком*), т. е. в пределах «сведения к лексическому единству» словосочетаний с существительным в качестве стержневого, главного слова<sup>2</sup>. При этом в подавляющем большинстве случаев сложносокращенное слово возникает без всякого участия аффиксации, хотя в дальнейшем от него легко образуются новые производные слова: *колхоз-ник*, *комсомол-ец*, *вуз-овский* и т. п.

Обычные же сложные слова не только могут отличаться от опорного слова словосочетания по семантико-словообразовательному разряду внутри той же самой части речи (*белый билет* — *белобилетник*, *мелкий лес* — *мелколесье*, *босые ноги* — *босоножки* и т. п.), но часто оказываются в сфере иной части речи, чем та, к которой принадлежит опорное слово в исходном словосочетании (*возить воду* — *водовоз*, *железная дорога* — *железнодорожный*, *строить суда* — *судостроение* и т. п.)<sup>3</sup>.

Наличие связи между словосочетаниями и сложносокращенными словами позволяет поставить вопрос о том, что же представляют собой так называемые «аналогические» сложные слова. Следует ли признать, что и они, как правило, возникают на базе синтаксических сочетаний, или же мы, действительно, должны говорить о двух типах образования сложных существительных: 1) на основе словосочетаний и 2) по аналогии с уже имеющимися сложными существительными? Очевидно, что по сути дела речь при этом будет идти о сходстве и различиях между словосложением (синтаксико-морфологическим способом словообразования), с одной стороны, и аффиксацией (аналогическим образованием слов, морфологическим способом словообразования) — с другой.

по образцу других сложных слов). К сожалению, эта статья Срезневского долгое время оставалась незамеченной и только в самые последние годы вводится в научный обиход.

<sup>1</sup> А. Сухотин, Проблема «сокращенных» слов в языках СССР, сб. «Письменность и революция», I, М.—Л., 1933, стр. 133 (разрядка моя. — В. Г.).

<sup>2</sup> И даже в еще более узких пределах, поскольку и такие «идиоматические» сложносокращенные слова, как *колхоз*, сохраняют во всем существенном (кроме категории рода) семантико-словообразовательную характеристику стержневого слова исходного словосочетания, которое выступает как своеобразный синтаксический этимон сокращения.

<sup>3</sup> Ср.: «...любопытно, что предполагаемое словом *голословный* выражение *голые слова* не приводится ни одним толковым словарем русского языка до появления академического «Словари церковно-славянского и русского языка» (СПб., 1847)...» (В. Виноградов, Из истории русских слов и выражений, «Р. яз. в шк.», 1940, № 2, стр. 33; разрядка моя. — В. Г.). См. также Р. И. Лейнин, Сложные прилагательные в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дисс., Л., 1951.

## 1

До сих пор в различных исследованиях (главным образом по истории языка) и в толковых словарях наблюдаются случаи отождествления сложных и аффиксальных слов<sup>1</sup>. Даже тогда, когда отличие префиксов и суффиксов от компонентов сложного слова подчеркивается исследователями, анализ различий между сложным словом (существительным) и, например, префиксальным сводится обычно к сравнению их морфологической структуры, пути же образования тех и других большей частью не привлекают внимания исследователей. Однако именно здесь между аффиксальными и сложными словами обнаруживаются некоторые принципиальные различия.

Специфика синтаксико-морфологического типа образования префиксальных (и — шире — префиксально-суффиксальных) существительных состоит в том, что строительный материал для них обычно дают «неноминативные» сочетания слов, один из компонентов которых лишен полноценного лексического содержания; являясь предлогом, он при образовании аффиксального существительного превращается в приставку: *за рядами* — *Зарядье*, *по берегу* (-ам) — *побережье*, *через седло* — *чересседельник*, *под окном* — *подоконник*, *над гортанью* — *надгортанник*, *на колено* (-е) — *наколенник*, *при городе* — *пригород*, *без денег* — *безденежье* и т. п. Случаи типа *раскрасавица*, *подтип*, *подотряд*, *эсчемпион*, *антипатриот*, *архиплут* и др., не возводимые к каким-либо сочетаниям слов (морфологический тип образования), немногочисленны. Префиксы *рас-*, *экс-*, *анти-* и *под-* не имеют даже относительно самостоятельного существования в языке, и в этом отношении тип образования таких слов подобен типу образования слов суффиксальных<sup>2</sup>. Как известно, префиксальный тип в чистом виде «особенно производителен и употребителен... в системе внутриглагольного словообразования»<sup>3</sup>.

Сложное же существительное образуется, как правило, на базе словосочетания, оба члена которого являются знаменательными словами (ср. *пить чай* — *чаепитие*, *есть землю* — *землеед*, *мыть руки* — *рукомойник*, *Красная гвардия* — *красногвардеец*, *черная тропя* — *чернотроп*, *взаимная помощь* — *взаимопомощь*, *два слова* — *двусловники*<sup>4</sup> и т. д.); ср. также *сам палит* — *самопал*, *листья падают* — *листопад* и т. п.)<sup>5</sup>. Наоборот, такие неудачные слова, как *книгоединица*, *умельцеделец* и под., или различные аббревиатуры, имеющие очень узкую сферу распространения, очевидно, потому и остаются где-то на периферии языка, среди элементов «про-

<sup>1</sup> См., например С. И. Обнорский, *Очерки по истории русского литературного языка старшего периода*, М.—Л., 1946, стр. 121; Р. А. Будагов, *О новой работе О. И. Богомольной по современному французскому языку*, «Вестник Ленингр. ун-та», 1948, № 5; Т. К. Зийберг, *Примыкание как тип синтаксической связи слов в современном русском языке*. Автореф. канд. дисс., М., 1955, стр. 14. Ср. протест против терминологического «смещения сложных слов с приставочными в работе: И. И. Соломоновский, *Терминология в словообразовании*, ФЗ, 1980, вып. 3, стр. 13—14. См. также описание морфем *между-*, *сверх-*, *транс-*, *ультра-* и др. в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова.

<sup>2</sup> См. В. В. Виноградов, *Русский язык*, М.—Л., 1947, стр. 55. В своем большинстве указанные префиксы являются кальками или заимствованиями.

<sup>3</sup> «Соврем. русск. язык. Морфология», *Курс лекций*, М., 1952, стр. 45.

<sup>4</sup> Так один из героев романа И. Эренбурга «Буря» профессор Дюма называет немецких фашистов.

<sup>5</sup> Уже приведенные примеры показывают, что термин «словосочетание» употребляется здесь в более широком значении, чем то, которое он получает в академической «Грамматике русского языка» (т. II, ч. 1, М., 1954, стр. 6 и 10), а именно — в значении «грамматическое сочетание полнзначных слов». Для простоты изложения термин «словосочетание» в таком традиционном значении используется и ниже.

изводственного жаргона», что они не опираются на какие-либо живые словосочетания общенародного русского языка<sup>1</sup>.

Понятно, что исходные словосочетания могут иметь в своем составе и служебные слова; ср. *ступать по снегу* — *снегоступы*, *лазить в воду* — *водолаз*, *бегать на коньках* — *конькобежец* и т. п. Но при этом служебное слово никак не участвует в образовании сложного существительного<sup>2</sup>.

В исследованиях по фразеологии русского языка справедливо отмечается, что «устойчивые словосочетания с глаголом представляют собой материал для образования сложных слов... Сложные слова из устойчивых словосочетаний сохраняют экспрессивную насыщенность, которая была свойственна устойчивому словосочетанию (*рылокошение* из *косить рыло*; *фиговидцы* из *видеть фигу* и др....). Невозможность разложить устойчивое словосочетание на составляющие его компоненты без утраты смыслового значения ярче всего проступает в сложных словах из соответствующих устойчивых словосочетаний...»<sup>3</sup>. В то же время само по себе исходное словосочетание, так же как и вновь образованное от него сложное существительное, вовсе не обязательно должно обладать признаком «идиоматичности» (на что в свое время обратил внимание еще И. И. Срезневский). Сочетания *пить чай*, *слушать радио* «отличаются от всякого другого свободного сочетания глагола с дополнением только тем, что они дали жизнь существительным *чаепитие* и *радиослушатель*»<sup>4</sup>.

Значительные расхождения обнаруживаются и при сопоставлении путей образования сложных существительных, с одной стороны, и существительных суффиксальных — с другой. В сложном существительном современного русского языка второй компонент, как правило, заметно отличается от первого по своему более широкому и общему значению. Не случайно обычная логизированная формула сложного существительного выглядит у сторонников синтагматического подхода к сложным словам как Т'Т, где Т' обозначает определяющее, а Т — определяемое<sup>5</sup>. Естественно, что с логической точки зрения видовой признак понятия, находящий свое выражение в первом компоненте, уже по своему объему, чем родовое понятие, которому соответствует второй компонент. Однако эта в целом верная характеристика общей логической структуры сложного слова мало что дает для выяснения собственно словообразовательных различий между его компонентами.

Различия же между компонентами сложного существительного с грамматической (словообразовательной) точки зрения обычно усматривают главным образом в том, что второй компонент сразу же по возникновении

<sup>1</sup> См. фельетон Б. Игнаткова «Словесная бестолочь» («Лит. газета» 25 XI 52): «Простым соединением двух слов была образована *книгоединица* («Московская правда»). Слово это было какое-то неудобоваримое и даже оскорбляло эстетическое чувство читателя (разрядка моя. — В. Г.). Здесь, впрочем, возможен процесс: *книжная единица* — *книгоединица*. Но важен аргумент автора фельетона, пусть в данном случае и ошибочный).

...Часто поиски здравого смысла терпели полную неудачу. Невозможно было, например, установить, что подразумевалось под словом *умельцедатель* («Белгородская правда»). Ср. также отдельные примеры, собранные в кн.: Л. Олешки, История научной литературы на новых языках, русск. перевод, т. I, М.—Л., 1933, стр. 48 (сноска 1), 282.

<sup>2</sup> В состав сложного существительного часто не входят даже префиксы тех префиксальных глаголов, которые образуют стержневое слово исходных словосочетаний (см. ниже).

<sup>3</sup> А. К. Кочетков, Устойчивые словосочетания с глаголом в современном русском языке. Автореф. канд. дисс., Гуйбышев, 1954, стр. 14.

<sup>4</sup> Н. И. Фельдман, О специфике небольших двуязычных словарей, ВЯ, 1952, № 2, стр. 78.

<sup>5</sup> См., например, А. А. Реформатский, Введение в языковедение, М., 1955, стр. 254 и 258.

сложного существительного становится «суффиксированным словоэлементом». В результате новое сложное слово с тем же вторым компонентом может образоваться уже не на почве словосочетания (если последнее все-таки признается за базу для возникновения «первого» сложного существительного), а лишь на почве одного слова, превращающегося в первый компонент; вместо же второго компонента сложного слова в подобных случаях мы, с этой точки зрения, имеем дело с новым развивающимся, рождающимся «суффиксом», на первых порах еще почти не освобождающимся от своего конкретного (хотя и широкого) лексического значения. Ср. *водопровод* — *газопровод* — *линепровод* и т. д.; *пылесос* — *землесос* и т. п.; *Волховстрой* — *Днепрострой* — *Метрострой* — *Сталинградгидрострой* и т. д. Ср. в XIX в.: *мракобесие* — *адресобесие* — *англобесие* — *кнутобесие* — *москвобесие* — *патриотобесие* — *стихобесие* — *цветобесие* — *чинобесие* и т. п.<sup>1</sup>

Отдельные исследователи считают целесообразным в подобных сложных существительных выделять повторяющиеся вторые компоненты в особые перечни «продуктивных» морфем, как это сделано, например, в академической «Грамматике русского языка» (т. I, М., 1952, стр. 273—277)<sup>2</sup>. Другие же авторы выделяют и повторяющиеся первые компоненты, которые тем самым как бы рассматриваются в качестве потенциальных префиксов, так сказать, «префиксированных словоэлементов». Вообще в современных толковых словарях русского языка бросается в глаза никак не объясняемый составителями разноречивый в подаче компонентов сложных существительных.

В «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова включены «некоторые широко употребительные словообразовательные части» и среди них «первые части различных сложных слов — русских..., а также некоторых иностранных...» и «часть встречающиеся вторые части сложных слов вроде *-фил...*, *-фоб...*, *-фикация...*» (§ 19; разрядка моя. — В. Г.). Но в то время как первых компонентов сложных слов в словаре насчитывается свыше 130, вторые компоненты выделяются здесь далеко не с такой полнотой (их немногим более 20) и, к тому же (впрочем, как и первые), без всякой системы.

С. И. Ожегов вообще не включает в свой словарь вторые части сложных слов<sup>3</sup>, а что касается первых компонентов, то «в словаре как заглавные слова помещаются все (!) производительные (продук-

<sup>1</sup> См. В. В. Виноградов, Из истории русской литературной лексики, «Доклады и сообщения (Ин-та русского языка АН СССР)», вып. 2, 1948, стр. 10—12 и А. Х. Мищенко, Структурно-семантические разряды публицистической лексики А. И. Герцена, сб. «Вопросы изучения русского языка», Алма-Ата, 1955, стр. 253, 269.

<sup>2</sup> Н. Д. Андреев в статье «Термины типа *лесоводство*, *лесоведение*» [«Доклады и сообщения (Ин-та языкознания АН СССР)», VI, 1954, стр. 29—30], повидимому, склонен уподобить суффиксированным словоэлементам, по терминологии акад. В. В. Виноградова, все повторяющиеся вторые части сложных существительных: он относит сюда не только морфемы типа *-вед* и *-вод*, но и *-над* (*листопад* и т. д.), *-рез* (*камерез* и т. д.), *-мет* (*миномет* и др.) и даже *-строение* (*паровостроение*, *вагоностроение* и т. п.). Однако эта точка зрения, так же как попытка некоторых других исследователей утвердить понятие «полуаффиксации», не опирается на достаточно четкие, специфически словообразовательные признаки «суффиксированной морфемы», или «полуаффикса». Понятие «аффиксированной морфемы», очевидно, может найти применение в описании системы словообразования эсперанто, характерной особенностью которого является возможность употребления всех словообразующих аффиксов в качестве самостоятельных слов. См. R. de Saussure, La Vort-Strukturo en Esperanto (Raporto al la Esperanta Akademio), Aldono al «Esperanto», decembro 1916.

<sup>3</sup> Ср.: «...сложные слова у Дали соотносительны только по первой части, между тем как совершенно произвольно не принималась в соображение их вторая часть...» (М. В. Канкава, В. И. Даль как лексикограф. Автореф. докт. дисс., Тбилиси, 1952, стр. 18).

т и в н ы е) в современном языке первые части слов...» (стр. 5; разрядка моя.— В. Г.). Однако произвол в выделении продуктивных компонентов остается<sup>1</sup>.

В академическом «Словаре современного русского литературного языка» «находят место составные (первые и вторые) части сложных слов, если они являются продуктивными по словообразованию... Это положение относится и к заимствованным частям слов...» (Введение, т. I, 1950, стр. VI—VII; разрядка моя.— В. Г.). Эта же формулировка принята как установочная и при подготовке трехтомного (ныне — четырехтомного) «Словаря современного русского литературного языка»<sup>2</sup>. Бесспорно, 14-томный академический словарь более последовательно, чем словарь под ред. Д. Н. Ушакова, выделяет вторые компоненты сложных существительных, но различие между ними в этом отношении все же не качественное, а количественное: с одной стороны, под «продуктивностью» компонента попрежнему понимается более или менее широкая употребительность, с другой — не выделяются такие «часто встречающиеся» вторые компоненты сложных существительных, как *-ед*, *-дел*, *-делие* и некоторые др.

Очевидно, словообразовательная теория до сих пор не вооружила лексикографов критерием, при помощи которого можно было бы, например, отобрать действительно все вторые компоненты сложных существительных, подлежащие включению в словари. В то же время ни один из современных толковых словарей русского языка не дает отдельными статьями продуктивные суффиксы<sup>3</sup>.

Теоретической базой для упомянутых выше перечней наиболее или просто «продуктивных» вторых компонентов сложных существительных, так же как для приведенных высказываний составителей словарей, явилось признание способа образования большинства сложных существительных аналогическим, морфологическим, т. е., иначе говоря, отождествление принципов образования сложных и аффиксальных (суффиксальных) слов. Эта точка зрения, которую в свое время отстаивал И. Лось, и в настоящее время широко распространена среди исследователей словообразовательной системы русского языка в его современном состоянии и в его истории<sup>4</sup>.

Известно, что в русском языке, как и во многих других, словосложение находится в тесной связи и во взаимодействии с развитой системой суффиксального словообразования существительных<sup>5</sup>. Но тем более своевременна попытка вскрыть принципиальные различия между этими двумя способами пополнения словарного состава русского языка. Одно из различий такого рода может быть обрисовано в общих чертах следу-

<sup>1</sup> Так, почему-то не выделены морфемы *взаимо-*, *воздухо-*, *земле-*, *зоо-*, *книго-*, *красно-*, *легко-*, *машино-*, *металло-*, *миро-*, *путе-*, *равно-*, *свето-*, *угле-* и др.

<sup>2</sup> См. брошюру: «Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в трех томах)», (Ин-т языкознания АН СССР), [Л.], 1953, стр. 16 (§ 21).

<sup>3</sup> Ср. Л. В. Щербач, Восточно-лужицкое наречие, т. I, Пг., 1915, стр. 75—76 и приложение к этой книге («Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений»), где высказывается мысль о необходимости включения в словарь «списка морфем».

<sup>4</sup> Кроме уже приведенных высказываний, см. еще, например; В. Л. Воронцов, Словообразование существительных со значением действующего лица в древнерусском языке (способы суффиксального словообразования). Автореф. канд. дисс., М., 1953, стр. 15.

<sup>5</sup> Достаточно указать на широкое распространение в современном русском языке типов образования суффиксально-сложных существительных (*злойыхатель*, *конькобежец*, *снеготаялка* и т. п.), специфика которых, кстати, совершенно недостаточно учитывается в общих грамматических руководствах по русскому языку.

щим образом. Если для образования нового суффиксального существительного, например, существительного *ограниченность* от прилагательного *ограниченный*, достаточно одного ряда слов (существительных типа *гордость, грубость, скрытность* и т. д., образованных от прилагательных с качественным значением), в которых выделяется продуктивный суффикс (-ость), то для того чтобы могло возникнуть новое сложное существительное, например слово *бракодел*, необходимым оказывается уже не ряд таких сложных слов, как *винодел, маслодел* и т. п. (поскольку слово *бракодел* могло оказаться первым в этом ряду и возникнуть по продуктивной модели *возить воду* — *водовоз*), но прежде всего словосочетание *делать брак*. Иначе останется совершенно необъяснимой причина объединения в одном слове именно этих (*брак-* и *-дел*) конкретных знаменательных морфем, выступающих в том же значении в самостоятельно употребляемых словах (*брак* и *делать*). Не вскрывает этой причины и правильное, но слишком общее указание на то, что сложные слова возникают «на основе существующей в языке закономерной синтаксической возможности сочетания определенных разрядов лексики»<sup>1</sup>.

Конечно, возможно «потенциальное образование» самых различных сложных существительных, например с *-дел* во второй части, так как глагол *делать* обладает исключительно широкой сочетаемостью. Но в тех случаях, когда второй компонент образован от какого-либо глагола с более узким значением, с меньшими возможностями синтаксической сочетаемости, трудно ожидать, что появится большое число новых сложных существительных, образованных с его участием (*брить* — *брадобрей, месить* — *тестомес* и под.). Очевидно, причины различий в степени употребительности того или иного компонента сложного существительного следует искать не в морфологической аналогии (производительности), действие которой наталкивается на полное сохранение компонентом своего лексического значения, а в синтаксисе словосочетаний.

«Сразу» возникают только существительные аффиксального образования; подавляющее же большинство сложных существительных образуется не «сразу», не по морфологической аналогии, а на базе словосочетаний. С этой точки зрения нельзя согласиться с теми исследователями, которые выделяют особый, чисто морфологический тип образования сложных слов<sup>2</sup>, игнорируя тот факт, что «словосложение является своеобразным комбинированным типом словообразования, синтаксикоморфологическим»<sup>3</sup>. «Готовые модели» — несомненный факт языковой действительности, но в том-то и заключается специфика словосложения, что за сложным словом, образованным по данной модели, стоит, как правило, конкретное словосочетание и — соответственно — тип словосочетания<sup>4</sup>. В этой связи применительно к компонентам сложных существитель-

<sup>1</sup> М. И. Привалова, К определению понятия сложного слова в русском языке, «Вестник Ленингр. ун-та», 1956, № 8, стр. 73.

<sup>2</sup> См. Н. С. Родзевич, Про будову складних слів у сучасній українській мові, «Укр. мова в шк.», 1952, № 6, стр. 14 и сл.; А. С. Новакович, Сложные слова в современном датском языке. Автореф. канд. дисс., М., 1952, стр. 21 и сл.

<sup>3</sup> В. В. Виноградов, Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, «Р. яз. в шк.», 1951, № 2, стр. 4 (разрядка моя. — В. Г.).

<sup>4</sup> Конечно, в различных случаях «игры слов» — индивидуальных образованиях типа *бумагопоклонник* (фельетон Юр. Чапыгина, «Правда» 25 I 54), *долларопклонник* («Лит. газета» 1 III 55), *шалашуправление* (Н. Ильф и Е. Петров, Костяная нога), *трудночи* («Лит. газета» 16 II 54), *ногодель* (Т. Г. Шевченко, Дневник, 29 III 1858), *пешешествовать* («Лит. газета» 9 I 54), *чистописание* (М. Горький, Письмо Е. П. Пешковой 17 V 1898) аналогия со словами — соответственно — *идолопоклонник, домоуправление, трудодни, рукоделье, путешествовать, чистописание* выступает, так сказать, на первый план, однако их связь и соотносительность со словосочетаниями

ных едва ли возможно говорить об аналогии и производительности (продуктивности)<sup>1</sup>.

Из сказанного вытекает еще два важных положения: 1) если данное «сложное существительное» действительно образовано по аналогии с другими, то, очевидно, один из его компонентов уже превратился в аффикс; 2) всякое сложное существительное, например *водопровод*, *газопровод* и под., в общем до тех пор будет оставаться сложным словом современного русского языка, пока давшее ему жизнь и соотносительное с ним словосочетание, например *проводить воду*, *проводить газ* и т. д., сохраняется в качестве живого и общеупотребительного в той или иной речевой сфере.

С одной стороны, например, помета, которой сопровождается слово *хлебороб* в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, — «[образ. по типу *хлебороб*]» — находится в противоречии с содержащейся в этом словаре характеристикой морфемы [роб] как «второй части составных (!) слов» и, очевидно, свидетельствует о том, что это слово суффиксальное, а не сложное и что *-роб* тем самым превратилась в суффикс, хотя и почти непродуктивный (ср. диал. *землероб*)<sup>2</sup>. С другой стороны, диалектное слово, представляющееся «опрошенным» с точки зрения соотношений внутри литературного языка, может оказаться полноценным сложным словом в системе определенного диалекта. Ср., например, *пескозоб* «рыба бычок» и *зобать* («жевать, есть») *песок*; *палопрят* «убирание больших несгоревших стволов и пней с места, выжженного для подсеки» и *пал* («место, выжженное в лесу») *прятать*<sup>3</sup>.

Соотносительности второго компонента с знаменательными морфемами современного русского языка — критерий, выдвигаемый некоторыми исследователями<sup>4</sup>, — недостаточно для того, чтобы признать соответствующие существительные сложными. Так, несмотря на известную соотносительность морфемы *-дей* в *злодей*, *лиходея*, *прелюбодея*, *чародей* и под. с корнями слов *действие*, *деяние*, *деятель*; *дееспособный*, *деепричастие* и т. п., слова типа *злодей* в настоящее время, очевидно, нельзя признать сложными, поскольку глагол *деять* и словосочетания *деять зло* и под. уже не являются живыми фактами русского языка. Однако едва ли можно сказать, что *-дей* превратилась в суффикс: эта морфема не стала продуктивной в русском языке (хотя ср. ирон. *стизодей* у В. Г. Бе-

несомненна; этим они, собственно, и отличаются от новообразований типа *борщмеханик* (В. Привальский, Холодные люди, «Веч. Москва» 17 I 55), основанных почти исключительно на созвучии отдельных компонентов и обычно мало удачных. Каламбур *психотехника* — *спихотехника* (Д. Гранин, Искатели) показывает, что игра слов, основанная на созвучии, только тогда и входит в широкий обиход, когда за вновь созданным сложным словом стоит словосочетание (ср. *техника спизживания*). Ср. еще индивидуальные каламбуры, построенные на созвучии: *Саванарья* (И. Ильф и Е. Петров, Как создавался Робинзон), *миллиардёр* (М. Горький, Письмо А. В. Амфитеатрову, V 1906) и *верхолёт* («Крокодил» 30 VII 55, стр. 4 обложки). Роль исходного словосочетания нетрудно увидеть и в отдельных случаях явной контаминации. Ср., например, *дыросшиватели* (И. Ильф и Е. Петров, Золотой теленок) и *скоросшиватели* и *дыроколы*.

<sup>1</sup> Недостаточным оказывается, очевидно, и определение продуктивных словообразовательных морфем как просто «широко используемых в современном языке для создания новых слов...» [Г. П. Ушаков, Морфологическое строение слова в современном русском языке, Харбин, 1955 (стеклограф. изд.), стр. 63].

<sup>2</sup> Слово *хлебороб* — по происхождению украинизм, т. е. заимствовано из близко родственного языка.

<sup>3</sup> См. Г. Куликовский. Словарь областного олопецкого наречия, СПб., 1898, стр. 30, 77, 81, 96.

<sup>4</sup> См. М. И. Привалова, указ. дисс., стр. 34—36; Н. Д. Андреев, указ. соч., стр. 30. Ср. Е. Поливанов, Иностранная терминология как элемент преподавания русского языка, сб. «За марксистское языкознание», М., 1931, стр. 71—72.

линского в «Литературных мечтаниях»; *крючкомей* у А. В. Дружинина в «Полиньке Сакс» и под.). Таким образом, утрата сложным существительным соотносительности с исходным словосочетанием может привести к более или менее полной деэтимологизации сложения (ср. *мотовило*, *чертополох*, *лихорадка*, *сыоротка*, *беодоур*, *шиворот* и др. под.)<sup>1</sup>. Старославянизмы — сложные слова книжного происхождения, значительная часть которых представляет собой кальки с греческого, в частности, потому и подвержены довольно сильной деэтимологизации, что в русском языке отсутствуют соответствующие им исходные словосочетания.

Особый интерес представляет, однако, иной результат утраты соотносительного словосочетания: в том случае, если первый или второй компонент сложного слова получает в языке способность к аналогическому воспроизводству, становится продуктивным, он тем самым приобретает необходимое качество продуктивного аффикса.

## 2

Предложенный выше критерий отличия сложного существительного от аффиксального, естественно, не следует применять механически<sup>2</sup>. Система живого языка находится в состоянии непрерывного, но постепенного движения, развития, и отдельные ее элементы получают иную качественную характеристику и приобретают новое значение в связи с развитием других частей системы не сразу, а лишь в результате продолжительного процесса. Это соображение заставляет обратить особое внимание на конкретные факты превращения компонентов сложных существительных в аффиксы, прежде всего — на довольно многочисленные переходные и спорные случаи.

В настоящее время мы уже, очевидно, не можем считать такие слова, как *почвовед*, *страновед*, *краевед*, *законовед* (устар.), *языковед*, *востоковед* (ср. прон. *сверчковед* у И. Ильфа и Е. Петрова), сложными именно по той причине, что в системе современного языка отсутствуют соотносительные с ними словосочетания, поскольку глагол *ведать* претерпел существенные изменения в своем значении и потерял связь со второй частью подобных образований, которые тем самым возникают как суффиксальные слова по аналогии с уже существующими<sup>3</sup>.

Обращает на себя внимание тот факт, что при образовании новых слов посредством суффикса *-вед* словообразовательная модель остается старой, типичной для образования сложных слов. Производящая основа в суффиксальных словах *краевед*, *почвовед* и др. под. имеет особую форму на *о-*, *е-*. В этом и заключается специфика образования таких слов, сказыва-

<sup>1</sup> См. Л. А. Булаховский, Деэтимологизация сложений в русском языке, «Мовознавство», т. IX, 1951. Другие исследователи предпочитают говорить об опрочении. Ср.: «Понятие опрочения (Богородицкий) следует расширить за счет сложных слов. Из исследованных нами полностью утратили былую структурную и семантическую сложность слова: *вельможа*, *воевода*, *тищеслание*, *рукоделье*, *лицемер*, *злодей* и др.; в значительной мере утрачивают ее слова: *туняедец*, *живопись*, *челобитчик*, *благословение* и нек. др.» (М. В. Федорова, Суффиксальные существительные в «Книге о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова. Автореф. канд. дисс., М., 1953, стр. 13). Некоторый субъективизм в такого рода перечнях пока, к сожалению, неизбежен, так как в разработке синтаксиса словосочетаний сделаны еще только первые шаги, а что касается истории конкретных неидиоматичных и малоидиоматичных словосочетаний и их различных типов, то это почти сплошное «белое пятно».

<sup>2</sup> Особенно должна учитываться специфика способов образования так называемых «интернациональных сложных существительных».

<sup>3</sup> Оба значения глагола *ведать*, отмечаемые в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, имеют помету «устарелое». Подзначение «управлять, заведовать чем-н.» (*ведать избой-читальней*) не соотносительно со значением компонента *-вед* в рассматриваемых словах.

наются особенности происхождения нового суффикса. Старая морфологическая форма, так сказать, приспособлена к новому словообразовательному содержанию, подчинена ему.

Посредством нового суффикса *-вед* образуются имена существительные мужского рода, обозначающие лиц по их отношению к какому-нибудь предмету, кругу явлений, определяющему их профессию, специальность, научные интересы. Все подобные слова в настоящее время представляют собой строго определенный терминологический ряд. Особняком стоит одно только слово *сердцевед*. Соотносительный с суффиксом *-вед* суффикс *-ведение* служит для образования существительных со значением отрасли научного знания, профессии, специальности. Ср. *византиноведение, искусствоведение, источниковедение, картоведение, материаловедение, мажковедение, охотоведение, почвоведение, пушкиноведение, стиховедение, страноведение* и др. под.

Едва ли есть необходимость умножать примеры на слова с суффиксами *-вед* и *-ведение*: соответствующие материалы уже введены в научный обиход Н. Д. Андреевым в упоминавшейся выше статье. Следует ограничиться отдельными замечаниями в связи с вопросом о выделении суффиксов *-вед* и *-ведение*.

Морфема *-ведение* в словах *всеведение, сердцеведение* в настоящее время существенно отличается от *-ведение* в словах типа *лесоведение, славяноведение* и под.: управление вроде *всеведение пророка* (Лермонтов) для этих последних слов невозможно. Как те, так и другие должны быть признаны суффиксальными в современном языке, ввиду того что значение «знать» у глагола *ведать* стало архаичным. Однако еще в конце первой половины XIX в. дело, повидимому, обстояло иначе. Показательно в этом отношении, что А. И. Герцен в своих «Письмах об изучении природы» употребляет безразлично такие словосочетания, как *потребность знания* и *потребность ведения* (Письмо второе), *начало знания* и *начало ведения* (Письмо третье). Синонимичностью глаголов *ведать* и *знать* в истории русского литературного языка можно объяснить возникновение таких дублетных форм, как *естествоведение* (А. И. Герцен, Письма об изучении природы. Письмо первое) и современное *естествознание*, или такой пары, как *языкознание* — *языковедение*, которая дожила до наших дней и для которой лишь в самые последние годы можно отметить победу термина *языкознание*, казалось бы, вопреки бурному развитию терминологического ряда слов с *-ведение* во второй части<sup>1</sup>.

Не лишним будет заметить, что в сложном слове *голосоведение* вторая часть соотносительна с глаголом *вести*. Ср. омографы *книговедение* — *книговѣдение*, а также *счетоведение* (спец.) как синоним слова *счетоводство*. Для истории развития суффиксального значения у морфемы *-ведение* показательно заглавие книги, вышедшей в 1824 г. (место издания не указано): «Семиотика или *признаковедение*, то есть наука о признаках болезненного состояния человека. Перевод с немецкого И. Зацепина», — позволяющее поставить вопрос о калькировании как о факторе, который способствует изменению внутрисистемных соотношений языковых единиц.

По-разному — то как сложные слова, то как образования, содержащие во второй части «суффиксальные (или суффиговые) словоэлементы», то как суффиксальные — рассматриваются в работах последних лет не только слова с *-вед* и *-ведение*, но и слова с компонентами *-вод*, *-водство*,

<sup>1</sup> Ср. «Введение в языковедение» А. А. Реформатского (1947) и его же «Введение в языкознание» (1955). Ср. также *искусствознание* — *искусствоведение* и *музыкознание* — *музыковедение*.

-носец, -фил, -фоб, -лог, -логия, -фикатор, -фикация, -ман и некоторые другие (с элементом -тека и под.)<sup>1</sup>.

В рамках настоящей статьи нет возможности рассмотреть вопрос о так называемом сложении интернациональных основ. Что же касается морфем -вод и особенно -носец, то факты свидетельствуют о том, что их нельзя недифференцированно ставить в один ряд с -вед, поскольку степень их словообразовательного обобщения различна; в частности, у морфемы -носец она далеко не так высока, как у -вед, а соответствующие слова (орденоносец, письмоносец и под.) не порывают своей связи с исходными словосочетаниями.

В самом деле, основная масса слов с -носец во второй части соотносительна со словосочетаниями, состоящими из глагола *нести* — *нести* в его различных значениях и существительных, основы которых обнаруживаются в первых частях таких слов. Ср. *письмоносец* и *носить* (*разносить*) *письма* (ср. *соленосец* у Даля); *орденоносец* (нов.) и *носить* *орден(а)*; *звездоносец* (устар.) и *носить* *звезду* (ср. историч. *крестоносец*, а также ирон. устар. *рогоносец*); устар. *богоносец*; историч. *венценосец*, *копыносец*, *меченосец*, *оруженосец*, *порфириносец*, *хоругвеносец*, *щитоносец*; *броненосец*, *миносец*, *танконосец* (А. Первенцев, Огненная земля), «*Громоносец*» (название парохода Черноморского флота в 50-е гг. XIX в.), *нотонос* «нотный стан» и приписываемое А. Г. Рубинштейну слово *струноносец* «рояль» (пренебреж.). Ср. также щедринские неологизмы *белибердоносец* и *надеждоносец*, образованные на базе фразеологических сочетаний *нести белиберду* и *нести надежду*, в которых глагол *нести* выступает в разных значениях. Ср. у него же: *ядоносец*.

Повидимому, только слово *авианосец*, образованное по аналогии с *миноносец* и *танконосец*, дает некоторое основание говорить о том, что морфема -носец уже переходит в разряд суффиксальных. Однако изолированность этого слова, ввиду яркого отпечатка контаминации, который оно несет на себе<sup>2</sup>, и семантическая неоднородность, как показывает приведенный материал, самой морфемы -носец не позволяют считать процесс ее словообразовательного обобщения так же далеко зашедшим, как это имеет место в отношении компонента -вед, и вывести образование соответствующих слов за пределы процессов словосложения<sup>3</sup>.

Точно так же не может считаться суффиксальной ни одна из разновидностей морфемы -нос: слова типа *каучуконос*, *медонос*, *сахаронос* не порывают связи со словосочетаниями типа *нести в себе* что-либо (ср. соотносительные прилагательные на -носный)<sup>4</sup>; др.-рус. и диал. *водонос* «ведро» и слова типа *спиртоносы* «торговцы спиртом» (В. Шишков, Чертознай) образованы на базе словосочетаний *носить что-либо* (ср. *письмоносец* и под.)<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Ср. В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 105—106, 139; «Грамматика русского языка», т. I, Изд. во АН СССР, М., 1952, стр. 273—277; «Соврем. русск. язык. Морфология», стр. 127.

<sup>2</sup> Это слово выпадает из ряда сложносокращенных с *авиа-* в первой части (*авиабаза*, *авиапарк* и др.; ср. *авиапочта* и *авиопочта*), так как морфема *авиа-* в нем не является сокращением слова *авиационный*.

<sup>3</sup> В то же время несомненно, что отдельные слова с -носец во второй части становятся до некоторой степени идиоматичными. Так, *орденоносец* может не носить ордена (орденов), используя орденские ленты и планки. Значение слова *орденоносец* расширяется, кроме того, за счет слова *медаленосец*, употребляемого только в разговорной речи.

<sup>4</sup> Изолированным является ряд *плодоносить* — *плодоношение* и *плодоносие* (Салтыков-Щедрин).

<sup>5</sup> Нельзя согласиться с тем, что суффиксальными стали и слова *мехоноша*, *книгоноша* (см. В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 78), так как они связаны со словосочетаниями (*раз*)*носить меха*, *книги*. Ср. название города: *Золотоноша*.

Пеструю картину с точки зрения современных словообразовательных отношений представляют собой существительные с *-вод* и *-водство* во второй части. Сложные существительные типа *пчеловод*, *скотовод*, *птицевод* возникали на основе словосочетаний *водить пчел*, *скот*, *птицу* и т. д., в которых глагол *водить* выступал в значении «заниматься разведением домашних животных». Однако данное значение в настоящее время является уже устаревшим. Оно не регистрируется в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, а примеры, приводимые на него в «Словаре современного русского литературного языка», взяты из языка Л. Н. Толстого (*водить пчел*) и Лескова (*водить кур*), и только словосочетание *водить голубей* употребительно и в наши дни<sup>1</sup>. Ср.: «До сих пор существует (в Краснодаре) окраина „Голубятники“. Когда-то это были деревянные хибарки на отлете, и мальчишки водили там голубей» (Фадеев)<sup>2</sup>. Однако здесь замечен особый оттенок в употреблении глагола *водить*: *водить голубей* значит не «разводить голубей», а «заниматься голубятничеством», иначе говоря, словосочетание это стало фразеологизмом.

Слово *коновод* в значении «рядовой при лошадях» (воен.) соотносительно и сейчас, несмотря на свою идиоматичность, со словосочетанием *водить коня* (*коней*), где *водить* выступает как глагол движения. Легко восстанавливаются исходные словосочетания у таких слов, как *счетовод*, *деловод*<sup>3</sup> — *вести счета*, *дела*. Несомненно, являются сложными возникшие уже в советский период слова *групповод*, *звеньевод*, *кружковод*, *экскурсовод* (ср. *вести группу*, *кружок*, *проводить* или *вести экскурсию*). Ср. устар. *домовод*. Сложным должно быть признано и слово *плотовод* (спец.), связанное со словосочетанием (*про*)*водить плоты*. Не потеряли связи со словосочетаниями и такие слова, как *пищевод*, *яйцевод*, хотя в соответствующих словосочетаниях, как и в некоторых других случаях, глагол оказывается уже приставочным (*проводить*)<sup>4</sup>. Слово *коновод* (разг.) в значении «вожак», в силу своей идиоматичности и узкой сферы распространения исходного словосочетания, в значительной степени деэтимологизировалось, хотя его морфологическая членимость поддерживается словом *верховод* (разг.) в близком значении<sup>5</sup>.

Если обратиться к существительным с *-вод* во второй части, осложненным суффиксом, то обнаруживается, что они также сохраняют и сейчас свой сложный состав. Семантически не разложимое слово *руководитель*, идиоматичность которого становится очевидной при сопоставлении с живыми словосочетаниями *водить* — *вести за руку*, не утрачивает своей морфологической членимости, как не утратило ее ныне уже устаревшее слово *письмоводитель* (ср. *вести письма*). Повидимому, к словосочетанию *водить грех* (ср. *водить хлеб-соль*, *дружбу* и под.) или *водиться с грехом* (ср. *за ним водится грех*) следует возводить также устаревшее разговорное слово *греховодник*<sup>6</sup>. Новое образование *пролетариатоводец* у Маяковского

<sup>1</sup> Едва ли о социалистическом коллективном хозяйстве (колхозе или совхозе) можно сказать, что в нем *водят кур*, *пчел*, *голубей* и т. п., хотя неприменимость таких выражений к домашнему хозяйству колхозника менее очевидна.

<sup>2</sup> См. «Словарь современного русского литературного языка», т. II, 1952, стр. 503.

<sup>3</sup> Последнее слово, впрочем, уже не отмечается словарями, хотя изредка встречается в произведениях современных советских писателей (см. Вас. Гроссман, *За правое дело*).

<sup>4</sup> Слов типа *водовод*, *пищевод*, *яйцевод* больше почти не образуется; новое слово *пульповод* имеет синоним (видимо, более употребительный) *грунтопровод* — слово, которое входит в быстро растущий в связи с развитием техники ряд: *водопровод*, *газопровод*, *нефтепровод*, *путипровод*, *трубопровод*, *бензопровод* и под. В сложных существительных, связанных с научно-технической терминологией, вообще гораздо чаще, чем в других, второй компонент оказывается приставочной глагольной основой.

<sup>5</sup> См. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 257.

<sup>6</sup> Слово *детоводница*, отмеченное в «Лексиконе» Ф. П. Поликарпова («няня,

отною не свидетельствует о том, что слова *полководец* и *флотоводец* утратили связь со словосочетаниями *вести (водить)* *полки*, *флот* и стали суффиксальными<sup>1</sup>; оно как раз показывает устойчивость данного значения глагола *вести* — *водить*, а также живучесть суффиксально-сложной модели образования слов с суффиксом *-ец*.

Переходя к рассмотрению основной массы образований с *-вод* во второй части, следует прежде всего отметить, что составляющие стройный терминологический ряд такие слова, как *животновод*, *конеvod*, *кроликовод*, *лесовод*, *луговод*, *льновод*, *овощевод*, *оленьевод*, *ондатровод*, *полевод*, *птицевод*, *пчеловод*, *растениевод*, *рыбовод*, *садовод*, *свекловод*, *свиновод*, *семеновод*, *скотовод*, *табаковод*, *устрицевод*, *хлопковод*, *хмелевод*, *цветовод*, *цитрусовод*, *шелковод* и многие др. под., в настоящее время, как правило, соотносятся со словосочетаниями, в которых вместо бесприставочного выступает приставочный глагол *разводить*<sup>2</sup>.

Этот факт как будто заставляет признать, что во всех подобных словах компонент *-вод* в какой-то степени отрывается от конкретного глагола исходного словосочетания (ср. подобный же процесс, хотя и не получающий развития, в словах типа *пищевод*, *яйцевод* и под.; см. выше), делая тем самым первый шаг к обобщенному значению суффикса и в то же время несколько теряя в своей знаменательности. Однако обращает на себя внимание также и то, что среди первых компонентов перечисленных образований встречаются морфемы *поле-*, *шелко-* и некоторые другие, которые сами выступают в роли представителей словосочетаний и слов *полевые сельскохозяйственные растения*, *шелкопряд* и т. п. Ведь «при интегрировании в одно сложное слово многоморфемных слов возникают известного рода трудности, так как при сохранении всех элементов слагаемых слов получаются слишком громоздкие сложные слова. В этих случаях язык часто идет по пути сокращения менее ценных в семантическом отношении словообразовательных элементов (суффиксов и даже менее ценных корневых единиц)»<sup>3</sup>. Как показывают приведенные примеры, это характерно не только для новых «сложений определительного типа», что отмечено Б. М. Яцимирским, но и для некоторых старых сложных слов иных типов — слов, которые возникают не просто путем сведения, или интеграции, «словосочетания-названия в одно сложное слово», а на базе различных глагольных словосочетаний. Ср. соотношения: *хлебодар* и *одаривать хлебом*, *коногон* и *погонять коней*, *земледелие* и *возделывать землю* и под.

Таким образом, факт соотносительности слов типа *животновод*, *полевод*, *хмелевод* и под. с приставочным глаголом *разводить*, вместо бесприставочного *водить*, сам по себе еще не свидетельствует об отрыве указанных слов от системы словосложения. Несмотря на известный параллелизм в терминологических рядах слов с морфемой *-вед*, с одной стороны, и *-вод* — с другой, несомненная соотнесенность (хотя и ущербная — до какой-то степени) последних с живыми словосочетаниями современного русского языка не позволяет считать такие слова суффиксальными и уже сейчас вы-

зри детоводница»), видимо, возникло на основе словосочетания *водить детей*. Ср. современное специальное значение глагола *водить*: «выхаживать (детенышей; о домашней птице)». У П. А. Катенина в стихотворении «Дура» (1835): «В поле боится ходить, но дома всегда за работой: Пряжу прядет, детей качает и *водит* у брата...».

<sup>1</sup> См. Е. М. Галкина-Федорук, Современный русский язык. Лексика (Курс лекций), М., 1954, стр. 132.

<sup>2</sup> См. в толковых словарях определения значений слов с *-вод* и *-водство* во второй части.

<sup>3</sup> Б. М. Яцимирский, Развитие способов словосложения в русском языке советской эпохи, «Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та», т. VI. Филологич. науки, 1954, стр. 29.

вести их за пределы сложных слов; можно лишь отметить такого рода тенденцию.

Поэтому в настоящее время в общем можно было бы признать верным определение морфемы *-вод* в «Словаре современного русского литературного языка»: «Вторая часть сложных слов, обозначающих преимущественно специалистов в какой-либо отрасли хозяйства, указанной в первой части сложения» (т. II, стр. 492)<sup>1</sup>. Следовало бы только перед словом «хозяйства» вставить «сельского», а в иллюстрациях, приводимых в данной словарной статье, оговорить, что *счетовод* не стоит в одном ряду со словами *пчеловод*, *садовод* и *скотовод*<sup>2</sup>.

Все слова со вторым компонентом *-вод* в указанном основном значении имеют соотносительные образования на *-водство*, которые не могут быть признаны производными от слов с *-вод* во второй части, поскольку те и другие могут возникать параллельно и как бы независимо друг от друга. Показательны в этом отношении такие щедринские образования, как *клоповодство* и *хреноводство*, при отсутствии слов *клоповод* и *хреновод*. В то же время должен учитываться факт несомненного параллелизма в образовании терминологических рядов слов с *-ведение* и *-водство* во второй части.

Как не может считаться полностью завершившимся процесс превращения морфемы *-вод* в суффикс, так нельзя признать законченным процесс семантической дифференциации между морфемами *-вед*, с одной стороны, и *-вод* — с другой, и соответственно *-ведение* и *-водство*. В этом, в частности, убеждает наличие отдельных образований на *-вод(ство)*, стоящих, с семантической точки зрения, в одном ряду с образованиями на *-вед(ение)*. Так, например, слово *лесоводство* обозначает не только «уход за лесом, разведение леса», но и «науку о лесном хозяйстве»<sup>3</sup>. Слово *товаровед* обозначает не только специалиста в области товароведения, «науки о товаре как предмете торговли», но и всякого работника «по браковке, сортировке, выбору и приобретению товаров, по их калькуляции и т. п.»<sup>4</sup>. Пожалуй, единственный случай четкого противопоставления находим в словах *собаководение* и *собаковод*, с одной стороны, и *собаководство* и *собаковод* — с другой. *Собаководение* имеет значение «наука о методах разведения и использования собак» (то же, что *кинология*), тогда как *собаководство* обычно определяется следующим образом: «разведение и улучшение пород собак как отрасль хозяйства»<sup>5</sup>. Здесь особенно заметно более «высокое» значение слов с морфемой *-вед(ение)*, закрепляющейся за названиями отраслей научного знания, по сравнению со словами на *-вод-*

<sup>1</sup> В словаре под ред. Д. Н. Ушакова *-вод* и *-водство* (а также *-вед*) не вынесены в отдельные словарные статьи, хотя для *-ведение* почему-то сделано исключение.

<sup>2</sup> Замечу кстати, что первые части слов с *-вод* не указывают «какую-либо отрасль хозяйства». Соответствующие коррективы следовало бы внести и в статью о морфеме *-водство* в большом академическом словаре (т. II, стр. 521), сформулированную чрезвычайно неудачно: «Вторая часть сложных слов, обозначающих ведение какой-либо отрасли народного хозяйства и управления». Слова *животноводство*, *оцеводство* и др., приводимые в качестве иллюстраций, обозначают не «ведение» соответствующих отраслей, преимущественно сельского хозяйства, а сами эти отрасли.

<sup>3</sup> См. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. II, стр. 48. Ср. в романе «Русский лес» Л. Леонова: «Без усвоения этих буквальных истин, — заключал одну из глав Вихров, — лесоводство превращается в обычное лесопользование» (X, 1), а также употребление в значении «лесоводственная наука» слова *лесоведение* (там же, VII, 2), при малоупотребительности слова *лесовед*, которое (впрочем, так же, как и *лесоведение*) обычно не отмечается толковыми словарями. Ср. Н. Д. Адреев, указ. соч., стр. 26.

<sup>4</sup> См. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. IV, стр. 721.

<sup>5</sup> См. там же, стр. 329. Другое значение: «отдельное хозяйство по разведению собак» — является вторичным.

(ство), употребительными в качестве обозначений прикладных отраслей хозяйства (особенно сельского хозяйства)<sup>1</sup>.

\*

Таким образом, одно из важнейших отличий словосложения от аффиксации как способа словообразования — по крайней мере в части словосложения имен существительных — заключается в том, что сложные слова возникают обычно на базе синтаксического сочетания знаменательных слов, тогда как аффиксальные (в особенности суффиксальные) слова образуются, как правило, аналогически. В связи с этим к компонентам сложного существительного неприменимо понятие морфологической продуктивности, а словосложение в целом или в отдельных разновидностях не дает оснований для включения его в ряд морфологических способов словообразования.

Историческая связь словосложения с различными типами словосочетаний очевидна (для сращений — и в настоящее время). Поскольку в современном русском языке представлено известное число морфологических моделей сложения слов, в какой-то мере оправдана в применении к нему иллюзия «основосложения», как будто могут существовать вне слов и словосочетаний самостоятельные основы, способные «складываться» в цельнооформленные словарные единицы. Однако внешний отрыв многих сложных существительных от словосочетаний не должен служить основанием для отрицания синтаксической природы словосложения<sup>2</sup>.

Деэтимологизация сложных существительных вызывается обычно утратой ими соотносительности с исходными словосочетаниями в связи с падением этих последних из определенной сферы их употребления.

Переходные между словосложением и аффиксацией случаи не представляют собой единства и, в подавляющем своем большинстве будучи связанными или со словосложением, или с аффиксацией, не дают оснований для выделения «полуаффиксации» как особого типа словообразования.

Сформулированные выводы в основном опираются на материал сравнительно узкой группы сложных существительных с глагольным вторым компонентом. Насколько можно судить, материал именного словосложения в целом в современном русском языке подтверждает полученные выводы. Но для того чтобы эти выводы могли приобрести общетеоретическое значение, необходима их проверка на материале различных языков. В отношении русского языка, в связи с высказанными выше замечаниями, особенно актуальной представляется задача тщательного описательного и исторического изучения синтаксиса и фразеологии профессиональной речи. Одной из важных задач является также изучение суффиксально-сложных слов и «интернациональных сложных существительных» современного русского языка. Целесообразно было бы подвергнуть всестороннему критическому анализу и понятие «полуаффиксации».

<sup>1</sup> Ср. также *семеноведение* и *семеноводство*. Весьма показательны по-разному толкуемые отдельными специалистами отношения между содержанием таких терминов, как *лесоводство* и *лесоведение*, а также *луговодство* и *луговедение* (см. БСЭ<sup>2</sup>, т. 25, стр. 13—14 и 449—450).

<sup>2</sup> См. З. П. Д о н о в а, Сложные прилагательные в современном русском языке. Канд. дисс. (машинопись), М., 1950, стр. 2, 97, 152 и др.